

LARISA V. PETROVA
SVETLANA V. ILVITSKAYA

DEDICATED TO THE MEMORY OF V.K. LITSKEVICH. ARCHITECT, SCIENTIST, PERSONALITY, MAN

Private (personal) memoirs of the article authors giving a narrative portrait of the personality traits of the famous scientist and architect V.K. Litskevich. He pioneered research on climatic typology of houses, which became a prerequisite for developing the substantive part of the Ecology of Houses concept and, in this context, the architectural environment in general. In the memories, the classicist of architecture is pictured in various aspects of his career and life, focusing on episodes unknown to the general architectural community, which vividly characterize his humane qualities using the examples of his methodological efforts to create a new galaxy of scientists as part of professional and personal relations. The references to the lines of poetry by B. Okudzhava are intended to highlight the essence of Litskevich's personality as the best representative of the intellectual class of his generation.

Keywords: architecture, climate, ecology, interdisciplinary approach, intelligence, talent

*«...А иначе зачем на земле этой вечной живу»
(Б. Окуджав)*

Время летит быстро, с непостижимой скоростью унося с собой имена и события, такие недавно четкие, знакомые для одного поколения и уже несколько затуманенные, отвлеченные, умозрительные для другого — новой повзрослевшей плеяды друзей и знакомых, а еще более (имена и события), ведомые современной молодежи лишь из книг, учебников и СМИ.

Имя Владимира Константиновича Лицкевича (1926–2011 гг.), архитектора, ученого, руководителя и наставника живо в памяти его современников, соратников, родных, известно и уважаемо в среде его последователей и учеников.

Надо отдать должное, сведения о его деятельности, жизни и личности довольно широко и в достаточной мере подробно представлены в цифровом пространстве сети интернета. Они и подробные по содержанию страницы его биографии щедро снабжены фотографиями из его частной жизни. Легко доступен для ознакомления и перечень его научных трудов, публикаций, а также освещена сфера его творчества на поприще художника с представлением для ознакомления части галереи его акварельных и живописных работ. Во всех материалах лейтмотивом прослеживается мысль об его личности, отражающей сложившееся в нашем обществе понятие интеллигента во всех его проявлениях, в том числе и с доказательством генетических предпосылок

ПЕТРОВА Л.В., ИЛЬВИЦКАЯ С.В

ПАМЯТИ В.К. ЛИЦКЕВИЧА ПОСВЯЩАЕТСЯ. АРХИТЕКТОР, УЧЕНЫЙ, ЛИЧНОСТЬ, ЧЕЛОВЕК

Частные (собственные) воспоминания авторов статьи, в повествовательной форме написания дающих словесный портрет, отражающий черты личности известного ученого-архитектора В.К. Лицкевича — основоположника направления по климатической типологии жилища, ставшего предпосылкой для развития содержательной части понятия «Экология жилища» и, в этом аспекте, — архитектурной среды в целом. Воспоминания представляют классика архитектуры в разных ипостасях его деятельности и жизни, акцентируя внимание на эпизодах, не известных широкой архитектурной общественности, но которые ярко характеризуют его человеческие качества на примерах его методической работы по формированию новой плеяды ученых в рамках рабочих и человеческих отношений. Присутствующие ссылки на строки стихов Б. Окуджавы призваны подчеркнуть сущность личности Лицкевича, как лучшего представителя интеллигенции эпохи его поколения.

Ключевые слова: архитектура, климат, экология, междисциплинарный подход, интеллигентность, талант

к наличию широкого диапазона разнообразных талантов, сочетающих глубокомыслие ученого, дар архитектора, способности художника и музыканта вкупе с лучшими чертами души и характера умного и сильного человека. Однако, при таком упомянутом перечне сведений, отсутствуют материалы личных впечатлений тех людей ближнего круга общения, которые взаимодействовали с ним каждый день, входили в его жизнь на короткий или продолжительный период, взаимно оставив след в своей и его жизни, были, говоря высокопарно, актерами в театре под названием «жизнь». Такие воспоминания фиксируют эпизоды, которые не только подтверждают «забронзовевшие» факты из биографии этого человека, но и вдыхают тепло, возвращают к жизни страницы его повседневного бытия, отражающего в каждом своем проявлении черты портрета В.К. Лицкевича в желанном многообразии эмоционально окрашенной цветовой палитры. Попробуем хотя бы частично исправить это положение и рассмотреть черты его личности, представленные в разных ипостасях его деятельности и сферах жизни.

Несколько ракурсов таких воспоминаний о Лицкевиче освещено в данной статье от лица ее авторов, которые были с ним знакомы и находились в постоянном контакте, одна, начиная с 1974 г., а другая — с 1994 г., что представляет весьма осязаемый временной период, чтобы иметь право рассказывать об этом человеке с достаточным багажом собственных впечатлений. Более того, значимой предпосылкой для этого является и тот

факт, что обе работают в сфере образования, в одном Университете на кафедре архитектуры (ГУЗ), что предопределило и перманентное взаимное общение, сформировавшее устойчивое впечатление о личности Лицкевича с характеристиками только в превосходной степени. Фактически фамилия Лицкевич стала неким паролем для людей, общавшихся с ним и свидетельствующим, что они «одной крови». Предложенное ниже повествование дается во временной последовательности.

Лицкевич В.К. — РУКОВОДИТЕЛЬ сектора в научном подразделении института ЦНИИЭП жилища, то есть РУКОВОДИТЕЛЬ КОЛЛЕКТИВА сотрудников, которые выполняют научно-исследовательские работы в рамках своих должностных обязанностей и приходят на службу/работу каждый день на 8 часов и на протяжении многих лет совместно пребывают в одном пространстве. Их состав относительно стабилен, количество — 7–8 человек, преимущественно женщины разного возраста. Период совместного времяпрепровождения в таком режиме превышает количество часов пребывания в лоне собственной семьи и соответственно налагает на руководителя ответственность за создание деловой обстановки при обеспечении комфортной психологической среды. Другими словами — работа это не второй, а первый дом, где сотрудники — твои домочадцы, а их подбор важен как для качества работы, так и для здорового эмоционального микроклимата в коллективе. Надо признать, что либо нам повезло, либо положительно сказалось умение Лицкевича в подборе кадров. Видимо и то и другое. На моем веку работы в данном коллективе (с 1971 по 1996 гг.) у нас была дружная семья единомышленников из сотрудников с очень разными характерами, но умных и деликатных в своем поведении и терпимых к человеческим недостаткам. Его, Лицкевича В.К. руководство никогда не было авторитарным, но авторитетным — несомненно. Постоянного контроля им над ходом работ каждого не было, что создавало психологический комфорт, но и повышало ответственность. Обсуждение насущных вопросов происходило коллегиально, конкретных вопросов с каждым автором — индивидуально, в рабочем порядке. Такая демократичная атмосфера очень ценилась сотрудниками, никогда не трактовалась как черта слабости характера руководителя, и никто плембейским образом не злоупотреблял такими сложившимися правилами деловых отношений. Как руководитель Владимир Константинович очень грамотно и прозорливо умел пользоваться индивидуальными чертами деловых и профессиональных качеств своих сотрудников: системностью мышления, тяготению к классификации, выявлением неожиданных векторов и аспектов изучения проблемы, нетривиальностью подходов в постановке задачи, способностью внятно и четко делать выводы, учитывал интровертные и экстравертные черты личности своих сотрудников, их возрастные, психологические и физические способности и возможности. На этом основывались, с учетом личностных контактов, задания по взаимосвязи со смежными подразделениями, по сбору материалов с глубоким погружением в чрево библиотечных дебрей, организовывались оперативные

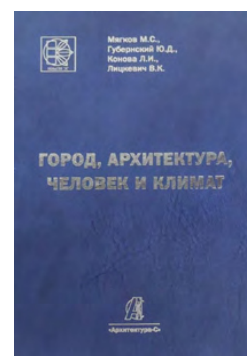
поездки для проведения натурных обследований. В общей дружелюбной обстановке все это выполнять было несложно, но факт чуткости к каждому человеку был налицо. Бытовая обстановка в секторе была такова, что жизнь каждого сотрудника была открытой книгой. Все обо всем переговаривались и знали о здоровье каждого, обменах квартир, покупке обновок, занятиях и успехах детей в школе, неприятностях и радостях. Еще более прозрачна была жизнь сотрудников из семейных пар, работающих в одном же отделе института. Лицкевич и Саакянц Лаура Михайловна были именно такой парой, но это не значит, что наш сектор был их местом семейного общения. Напротив, даже принципиально, данное родство никак не обозначалось и не тяготело на бытовом или рабочем уровне. Интеллигентность поведения руководителя в этом вопросе тоже положительным образом отмечалась его сотрудниками. Сектор жил дружно, радовался достижениям каждого, горевал при невзгодах. Никогда в коллективе не наблюдалось никаких распри или скандалов. Особой составляющей жизни сектора были общественные нагрузки и командировки. Они провозглашались Лицкевичем в удивительно мягкой и дипломатичной формулировке: «Есть возможность пойти на овощную базу» или «Есть возможность поехать в командировку». То и другое не вызывало энтузиазма. Но, если первое веяние времени 1970–90-х годов и вызывало бурное отторжение, смягченное пониманием «навешенной на Лицкевича разрядки», то второе было осознанной необходимостью, связанной со спецификой работы. Сектор изучал жилище разных климатических районов, научно сопровождал проектирование новых серий домов и застройки, курировал пилотные объекты для их дальнейшей корректировки и привязки. Сейчас, вспоминая многочисленные поездки по городам страны Советов, с восторгом осознаешь ценность такого багажа впечатлений от этих городов и весей, от встреч с интересными и талантливыми людьми, которые так обогатили собственную жизнь каждого и всех вместе. Оказалось, что удалось очутиться на пике развития страны, посетить строящиеся города: нового Тольятти, развивающегося Мурманска, хорошеющего Таллина, увидеть знаковые объекты Минска и Вильнюса. В каждом городе были интересные встречи и истории, в том числе и эпизоды, связанные с Лицкевичем и отражающие его юмор с тонким оттенком иронии. Так, возвращаясь из Мурманска, я везла очень тяжелый багаж с приобретенными предметами каслинского литья, которые я в то время коллекционировала. Владимир Константинович об этом факте знал и на шутивно заданный и наводящий к нему вопрос: «Как Вы думаете, что мне удалось приобрести в коллекцию?» он неожиданно, но подтрунивающе ответил: «Якорь из Мурманского порта?» По весу это вполне подходило..., но «своя ноша не тянет...» и я стала раздумывать об оставшемся якоре. При поездке в Ленинград, наш с ним родной и любимый город я мельком познакомилась с его отцом, который пришел его встретить на вокзал. Внешностью он мне напомнил Бродского, неотделимую от Ленинграда личность поэта, а общее впечатление от него — мужчина с крепким и четким характером. Владимир Константинович внешне больше был похож на свою мать, Лидию Павловну. У меня сложилось впечатление, что он унаследовал от своей матери, пианистки, способности к художественно-музыкальному творчеству, а от отца — все мужские качества характера и структурное мышление с техническими способностями. Оставив свои заметки о ближнем круге контактов, стоит отметить роль Лицкевича в рамках института на примере его взаимоотношений с другими подразделениями отдела типологии и проектного подразделения, на поприще

докладчика на ученом совете. Так исторически сложилось среди проектировщиков, что они условно делятся на два лагеря: первый — интересующихся научными исследованиями и поверяющих свое творчество «цифрой»/рекомендациями и второй — избегающих это, творящими лишь на крыльях художественного вдохновения, образного мышления. Тот и другой пути не возбраняются. Но надо отдать должное, что к Лицкевичу прислушались и контактировали с ним наиболее известные и зрелые в своем творчестве профессионалы из числа проектировщиков. В их числе архитекторы: Л. Иохелес (автор и руководитель коллектива, проектировавшего знаковый для того времени город Тольятти), Л. Врангель (проектировщик крупнопанельных бескаркасных жилых домов, дочь главного архитектора г. Севастополя), Д. Меерсон и Б. Бранденбург (последовательно руководители отдела типологии), Б. Рубаненко (директор института), С. Николаев (ныне директор АО «ЦНИИЭП жилища»), А. Белоконов, С. Звенков, А. Попов — руководители проектных мастерских — и другие известные фамилии. Его выступления на ученом совете всегда оказывались весьма убедительными и полезными. Также он имел успех и за счет дара оратора, он выступал темпераментно, грамотно, захватывал аудиторию своим обаянием и эмоционально привлекал слушателя тембром своего красивого голоса (об этом стоит поговорить позднее, о чем интригуяще напоминают, вынесенные в эпиграф слова песни Окуджавы, входящей в исполнительский репертуар В. Лицкевича).

Как принято теперь изъясняться, в роуминге связи вне института у Лицкевича было очень много деловых контактов, перешедших за долгий период в дружеские отношения со многими известными в архитектурном мире личностями. Это во многом было обусловлено как статусом института союзного значения, так и видом научной деятельности сектора, связанной с климатическими особенностями разных регионов страны, обеспечением архитектурными средствами комфортных условий проживания в разных городах и всех территории нашей большой страны, включающей в себя четыре климатических пояса, отличающейся разными национальными традициями и укладами проживания в союзных республиках. Стоит отметить и факт присутствия в работе сектора часто декларируемого сегодня междисциплинарного подхода, который естественно практическим образом отобразился в деятельности В.К. Лицкевича и был опосредованным образом проявлен в его докторской диссертации «Основы климатической типологии», концентрировано вобравшей в себя результаты многолетних исследований. В сфере рабочих контактов при подготовке научно-исследовательских работ были налажены связи с Географическим обществом, институтом Санитарии и гигиены, институтом Стройфизики. В рамках совместно выполняемых работ представители этих заведений взаимно обогащали друг друга своими профессиональными знаниями, расширялась сфера умений разбираться в смежных дисциплинах, выпускались совместные труды и выходили в свет публикации. С подачи Лицкевича мы, его сотрудники и единомышленники, активно участвовали в работе Географического общества, на его заседаниях выступали и делали доклады ко взаимной радости от факта интеллектуального обогащения участников, общались со специалистами, знающими условия Севера и Юга не понаслышке (встречались с полярниками, Папаниным и др.). Мы совместно работали с гигиенистами, изучали физиологию и психологию человека, научно исследовали особенности среды жилища в разных условиях перепада микроклиматических показателей, выявляли

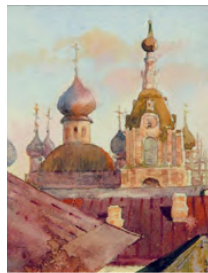
архитектурные способы регулирования ее характеристик. Приходилось на уровне специалистов Стройфизики делать замеры показателей среды, освоив приборы и приобретя технические знания по их управлению, производили математические и графические расчеты. Приведенные примеры свидетельствуют о стратегическом способе мышления В.К. Лицкевича, о масштабности его личности в деле развития архитектурной науки. Именно такой способ действий на его научном поприще определил эволюционный и поступательный процесс развития науки о жилище. Возможно, на этом масштабном подходе возросла и дала свои плоды научная школа, возглавляемая доктором архитектуры В.К. Лицкевичем. Он внес свой огромный вклад в подготовку базы для формирования научного понятия «Экология жилища» в его архитектурном аспекте, то есть направления, которым он в сущности и занимался. Беру на себя смелость отметить, что еще на определенном отрезке нашей интересной деятельности я пророчески фантазировала о понятийном приоритете нового термина и органичном переходе под его эгиду нашей многолетней деятельности в будущем, то есть в сегодняшнем настоящем. Это подтвердилось уже в двухтысячные годы — период развала института тем фактом, что востребованность знаний, выработанных за годы активной деятельности сектора, неожиданно проявилась в новом заведении — Институте экологии, который поодиночке, на базе изучения авторских публикаций подыскал и призвал к себе именно сотрудников нашего сектора для совместной разработки намеченной их планами научно-исследовательской темы по экологии.

В.К. Лицкевич был и остается в памяти его подопечных непревзойденным методистом в разработке диссертационных работ аспирантов, в подготовке к защите докторских диссертаций. Его опыт на этом поприще включает внушительный перечень выполненных и защищенных под его руководством работ собственных аспирантов за период его деятельности руководителем сектора, а также большое количество работ диссертаций аспирантов и докторов, которых он подготовил для благополучной защиты уже работая в последний период своей жизни ученым секретарем диссертационного совета института. В этой работе он проявился не только как опытный профессионал, но и как душевно богатый человек, влияющий на становление личности будущих специалистов, архитекторов по таланту, способностям и призванию, исследователей по способу мышления. Процесс работы с аспирантами был доступен для взора всех сотрудников нашего научного сектора, среди которых тоже были и аспиранты босса уже в процессе разных периодов формирования своего научного труда. Иронизируя, можно было наблюдать работу этого «инкубатора» по выгуливанию новых, а далее их переобразование во вполне состоятельных научных работников. Для иллюстрации этого процесса можно привести истинный, но весьма анекдотичный случай, символично отражающий начало процесса подготовки диссертационных работ. Так, где-то в 1980-х годах в нашей 438 комнате появляется новоиспеченный целевой аспирант из национальной глубинки и представляется следующим образом: «Я такой-то такой, в отделе аспирантуры мне сказали, чтобы я обратился в вашу комнату, к Лицкевичу, и обещали, что здесь мне дадут кальку и сделают диссертацию!» Анекдотично, но и символично. Ведь человек оказывался прав! И снабдят калькой и помогут постичь азы науки и «сделают» диссертацию. Я помню восхищенный возглас другого аспиранта перед своей защитой: «Я не могу поверить, что это все сделал я...» (читай по ассоциации с фразой А.С. Пушкина после

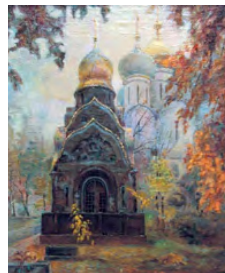

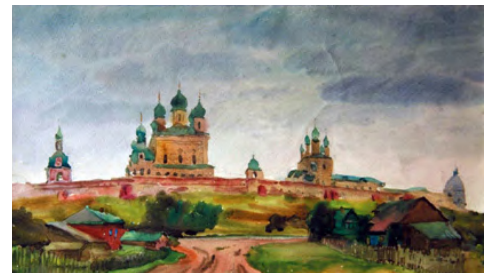
БНАБЕНСКАЯ АБРЕВУЦКА, 2007.
Холст на фанере, масло, 22x42

СОСЛОВИЯ НИКОЛАЯ СВОБОДНОЙ ЦЕРКВИ
И СВОБОДНОЙ КОЛОКОЛНИЦЕ, 1986.
Бумага, акварель, 21,5x17

В ГОРОДЕ ВЕРИЕ
УСНАТАЛЬНИЦА ГЕРОСКОПНИК, 1966.
Холст, масло, 51x41

ПЕРЕСАБАВ-ЗААФСКИЙ, ГОРИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ, АЕТО, 4 АВГУСТА, 1988.
Бумага, акварель, 29x46

ТОСКАЛА, 2005.
Бумага, акварель, 26x45

ВОШАРА, 1978.
Бумага, акварель, 12,5x16

МРЕТА ВАЛДИКЕ, 2002.
Холст на картоне, масло, 26x30

ПЕРЕСАБАВ-ЗААФСКИЙ, ГОРИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ, УСНАТАЛЬНИЦА СОБОР СВЕТАНИИ
ХУТ В СРБАВА - ВЕСЕЛОВАТКА ЦЕРКОВЬ С ТРАПЕЗОВОЙ ПЛАТФОРМНОЙ ОРАТО, 2004.
Бумага, акварель, 25x45

завершения им «Бориса Годунова»: «Ай да Пушкин...»). Если серьезно, то работа с аспирантами у Лицкевича проводилась очень глубоко и дотошно. В процессе работы над текстом оттачивались все формулировки, приводились обоснования и доказательства каждой позиции, большое значение придавалось грамотному изложению мысли. Эта особенность точности изложения сформировалась еще и ответственностью за каждое написанное слово исходя из практики разработки сектором научно-рекомендательной и нормативной документации, которая очень дисциплинирует ум. Сектор в работе с аспирантами был очень «многонациональным». Связь тематики с климатом предопределяла представителей из многих республик Союза, а также из зарубежных стран. Со всеми находили общий язык, всем помогали. Специалисты, обученные Лицкевичем, представляют собой ценные кадры для всех стран. Они еще и сейчас активны в своей профессиональной деятельности. Это его вклад в дело распространения качественных знаний и умений весьма весомо для архитектурного мира. Опуская многие подробности о созревании диссертационных исследований аспирантов, хотелось бы привести данные о доведении до блеска работы над докторской диссертацией С.В. Ильвицкой с ее слов и в ее изложении: «в назначенный день и час с трепетом приходила в гостеприимный дом профессора Лицкевича Владимира Константиновича и его супруги Лауры Михайловны, которые встречали меня душевно, всегда в самом хорошем настроении, а я пребывала в ожидании мудрого и высокопрофессионального совета и в предвкушении точных, афористичных и дельных предложений. Обсуждение моего исследования проходило всегда интересно, очень эмоционально и живо, затрагивались глубокие архитектурно-философские и современные проблемы монастырской архитектуры по моей теме докторской диссертации, которая стала первой и единственной в тематике защит Диссовета ЦНИИЭП жилища. Тему исследования духовной православной архитектуры Владимир Константинович с энтузиазмом поддержал и особенно благоволил, считая ее воплощением совершенства русской культуры. Располагались вокруг большого стола в гостиной с широкими окнами, выходящими на Москва-реку и парк Горького, на стенах которой висели светлые и радостные картины

профессора — пейзажи, архитектура, напротив меня с портрета смотрели выразительные глаза его царственной супруги — Лауры Михайловны, стояли традиционные армянские керамические сосуды. Рядом в книжном шкафу всегда находились нужные словари и энциклопедии, к которым мы часто обращались во время консультаций. С удовольствием вспоминаю, что за столом, на котором часто появлялось и угощение, у меня было свое определенное место—стул, который, по словам последующих аспирантов Владимира Константиновича передавалось как «это место Ильвицкой С.В.». Приходило к концу моё время консультации, и тогда торжественно вносилась доска с нардами, за которую хозяева с увлечением сядились играть... По моим ощущениям это было очень счастливое время, которое тогда хотелось ускорить, а сейчас, к сожалению, вернуть его невозможно, но оно живо в памяти и останется со мной навсегда». Этот этап жизни имел много эпизодов рабочего порядка и явился примером зарождения личной дружбы с собственноручно В.К. Лицкевичем, а также с его семьей, который продолжался и после его безвременного ухода, в гостевом посещении его дома-квартиры, участии в запоминающейся художественной выставке картин Владимира Константиновича, последней поездке на дачу, где мы увидели его художественную мастерскую, знакомство с его автобиографическими рассказами о детской и юношеской жизни в Калуге, и во все более глубоком познании его личности, ярко проявившейся в разных ипостасях его деятельности. Уже исходя из содержания выше представленных кратких воспоминаний о Владимире Константиновиче Лицкевиче, можно убедиться, что он обладал огромным потенциалом жизненной энергии. Ее заряд он передавал жаждущим с большой щедростью, возбуждая прилив творческих сил, генерируя интересные идеи, с большим энтузиазмом подпитывал плодами своего интеллекта заинтересованных в его помощи. Такая жизненная позиция является яркой и отличительной чертой его личности. В этом ракурсе воистину поразителен по эмоциональному воздействию тот факт, что накануне дня своего ухода Владимир Константинович, находясь в хосписе, еще кого-то консультировал. Потребность такого действия с его стороны можно оценить не только как проявление невероятной воли и силы духа, но и убежденности

ИЗ СЕРИИ «НА ДАЧЕ У ЛЯЛЬ», 2005.
Бумага, акварель. 17x31

ПРЕНЬ, 2005.
Бумага, акварель. 40x40

в истинности фразы Р. Декарта: «Ego cogito, ergo sum» (лат. «Я мыслю, следовательно существую»).

Наиболее лиричная сторона жизни Владимира Константиновича проявлялась в его глубоких чувствах к занятиям акварелью и живописью. В его наследии есть много работ, которые были представлены на выставках, куплены почитателями его таланта, хранятся у друзей и знакомых, получивших их в дар к юбилеям или по случаю. Особое впечатление производят акварельные рисунки. Их тематика разнообразна, включает пейзажи и портреты. Очень много пейзажных работ имеет миниатюрные размеры. Они появлялись в большом количестве после разных деловых поездок и командировок по стране. Эти работы полюбились всем. Силуэты гор Крыма, Кавказа, Киргизии в соответствующей региону цветовой гамме при рассвете или в сумерках фактически стали фирменной принадлежностью его сектора, его визитной карточкой. К Новому году для всех своих сотрудников готовились долгожданные акварельные рисунки очередного животного-символа года. В серии акварелей, находящихся дома, особо запомнившимися являются прелестный портрет маленького сына Миши, очень удачный портрет его красавицы жены, Лауры. Она же предстает и в облике Богородицы на акварели в визуальном ряду его работ, вывешенных в электронной подборке. В домашней обстановке Лицкевича окружали две прекрасных по наружности женщины, его жена и теща Анна Сергеевна. Так что его музы не могли не вдохновлять художника написание столь прекрасных работ. Все работы Лицкевича отражают его мироощущение, абсолютный вкус и тонкую организацию его натуры. Ощущение душевной наполненности и высокой степени духовности исходит от работ автора. Они стали единым целым в восприятии его образа.

О музыкальных способностях Лицкевича, которые были предопределены генетически, мало кто был наслышан. Он обладал красивым баритоном, теплым тембром голоса. Инструмент, фортепиано, всегда был в семье. Возможность аккомпанировать себе была само собой разумеющимся фактом. Услышать пение Владимира Константиновича нам, гостям, посчастливилось в достаточно камерной домашней обстановке в его квартире на Фрунзенской набережной. Его пение произвело эмоционально неизгладимое впечатление. Он тогда пел грузинскую песню Булата Окуджавы, где рефреном звучали слова, вынесенные в эпиграф этой статьи: «...А иначе зачем на земле этой вечной живую?» Можно точно утверждать и свидетельствовать, что Владимир Константинович прожил жизнь осмысленно, наполнено и ярко, оставив о себе добрую память. Он был представителем интеллигенции поколения конца 20-го века, придерживающейся идеалов, отраженных в текстах песен Окуджавы. Он так много отдал людям и сделал

столько хорошего. При этом, себя и всех соприкоснувшихся с ним хочется спросить, а стал бы ты тем, кто есть сегодня, без встречи с ним на жизненном пути? Ведь роль личности важна не только в истории государств, но и в истории собственной жизни! И стоит поблагодарить судьбу за встречу с этим человеком. Завершая перечень неисчерпаемых воспоминаний о прекрасном человеке, попробуем это сделать, повинувшись звуку камертона, задавшего тональность этого повествования, высокой нотой другого стихотворения-призыва Б. Окуджавы:

*Давайте восклицать, друг другом восхищаться
Высокопарных слов не стоит опасаться,
Давайте говорить друг другу комплименты,
Ведь это все любви прекрасные моменты.*

Подводя итоги, возможно даже несколько экзальтированного повествования, рационально привести некоторые упомянутые в начале статьи материалы о Лицкевиче, которые можно найти в интернете, но стоит включить их в состав и этой статьи. В их перечне наиболее важные публикации, фото, рисунки [1–3].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лицкевич В.К. Калужане Чернышевы. – Калуга : Фридельм, 2007. 88 стр. (Серия «Драгоценная память»)
2. Лицкевич Владимир Константинович [Электронный ресурс]: Биография, каталог картин. URL: <http://vk.litskevich.ru/>
3. Российская государственная библиотека. Электронный каталог. Автор Лицкевич В.К. URL: <https://search.rsl.ru/ru/search?q=author%3A>

REFERENCES

1. Liczkevich V.K. (2007) Kaluzhane Chernyshevy [Kaluga residents Chernyshevs]. – Kaluga: FridgeIm. 88 p.
2. Liczkevich Vladimir Konstantinovich [Digital resource]: Biografiya, katalog kartin [Biography, catalog of paintings]. URL: <http://vk.litskevich.ru/>
3. The Russian State Library. The General Digital Catalogue. Author: Liczkevich V.K. URL: [https://search.rsl.ru/ru/search?q=author%3A\(Лицкевич%20Владимир%20Константинович\)](https://search.rsl.ru/ru/search?q=author%3A(Лицкевич%20Владимир%20Константинович))